

ҒТАХР 03.20.00

**БОЛЬШЕВИКТИК-КОММУНИСТИК РЕЖИМНИҢ ЖАЗАЛАУ
ОРГАНДАРЫНДА (1918-1953 жж., КСРО ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН)
АЗАПТАУЛАРДЫ ҚОЛДАНУ ТАРИХЫ МЕН МӘНІ**

Сарқытбек Сәрсембайұлы Молдабай*

**Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау
бойынша Мемлекеттік комиссияның жобалау кеңсесі. Сарапшы.
(11/5 үй, Қабанбай батыр көшесі. Астана, Қазақстан)**

**Заң ғылымдарының докторы, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-5932-8041>, e-mail: svan62@inbox.ru**

***Автор-корреспондент**

<https://orcid.org/0000-0001-5932-8041> E-mail: svan62@inbox.ru

Аннотация. Мақалада большевиктік-коммунистік режимнің жазалау органдарында азаптаулардың қолданылу тәжірибесі зерттеледі. Мақсаты мен міндеттері. КСРО мен Қазақстандағы ВЧК-ОГПУ-НКВД органдарындағы азаптау әдістері мен ауқымын анықтау. Архивтік құжаттар, тарихи зерттеулер мен куәгерлердің мәліметтері қолданылды. Азаптау тергеу практикасының жүйелі элементі болғаны анықталды. Зерттеу нәтижелері өткеннің репрессивті механизмдерін объективті бағалау қажеттігін және гуманизм мен құқықтық мемлекеттің принциптерін қалыптастыру маңыздылығын көрсетеді және саяси оппозицияны күшпен басып-жаншуға, сонымен қатар саяси қарсыластарын мойындатуды қамтамасыз етуге бағытталған.

Жүргізілген зерттеулер гуманизм мен құқықтық мемлекет қағидаттарын қалыптастыру үшін, өткен дәуірдің репрессиялық тетіктерін одан әрі жан-жақты, объективті зерттеу қажеттігін көрсетеді.

Зерттеудің өзектілігі репрессиялық жүйенің қызмет ету механизмдерін жан-жақты талдау қажеттілігімен анықталады және оның қоғамның тарихи жады мен құқықтық санасы үшін салдарын түсіну. Саяси қуғын-сүргіннің ерекшеліктерін зерттеу қажеттілігі біздің елімізде адамның табиғи

құқықтарын қорғауға бағытталған заңдылық қағидаттарын қалыптастыруда, маңызды міндет болып табылады.

Бұл зерттеу құпиясыздандырылған құжаттардың, қуғын-сүргін құрбандарының естеліктеріне, қазіргі ғылыми еңбектерге негізделген. Әдістеме тарихи-құқықтық талдауға, салыстырмалы көзқарасқа және объективтілік пен сыншылдық принциптеріне негізделген.

Кілт сөздер: кеңестік отарлау, Госколонит, Қазақстан, қоныс аудару саясаты, ғылыми негіздеме, индустрияландыру, демографиялық өзгерістер.

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

Дәйексөз үшін: Молдабай С.С. Госколонит-негізгі ғылыми кеңестік отарлау мекемесі // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № . 1 - б. (Орыс.) DOI: 10.51943/2710-3994_2025_28_

МРНТИ 03.20.00

**ИСТОРИЯ И СУЩНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПЫТОК В
КАРАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ БОЛЬШЕВИСТСКО-
КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА
(1918–1953 гг., СССР И КАЗАХСТАНА)**

Саркытбек Сарсембайұлы Молдабай*

**Проектный офис Государственной Комиссии по полной
реабилитации жертв политических репрессии в Казахстане.**

Эксперт (11/5 дом, ул. Кабанбай батыра. Астана, Казахстан)

Доктор юридических наук, профессор

 <https://orcid.org/0000-0001-5932-8041> e-mail: svan62@inbox.ru

***Автор-корреспондент**

e-mail: svan62@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5932-8041>

Аннотация. Статья посвящена изучению практики широкого применения пыток в карательных органах большевистско-коммунистического режима. Выявить исторические истоки, методы и масштабы применения пыток в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД в СССР и Казахстане. Используются архивные документы, исторические исследования, свидетельства очевидцев. Применены методы историко-правового анализа и сравнительного исследования. Установлено, что пытки были системным элементом следственной практики, направленным на насильственное подавление политической оппозиции и обеспечение признательных показаний.

Проведенное исследование показывает необходимость дальнейшего всестороннего, объективного изучения репрессивных механизмов прошлого для формирования принципов гуманизма и правового государства.

Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего анализа механизмов функционирования репрессивной системы и осмысления её последствий для исторической памяти и правового сознания общества. Необходимость объективного изучения особенностей политических репрессий, служит важной задачей по формированию принципов правового государства в нашей стране, направленного на защиту естественных прав человека.

Данное исследование опирается на рассекреченные за последние годы архивные документы, мемуары жертв репрессий и современные научные труды. Методология основана на историко-правовом анализе, сравнительном подходе и принципах объективности и критичности.

Ключевые слова: политические репрессии, пытки, НКВД, ЧК, ГУЛАГ, Советский Союз, Казахстан.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ (ИРН: BR24993057) «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Молдабай С.С. История и сущность применения пыток в карательных органах большевистско-коммунистического режима (1918–1953 гг., СССР и Казахстан) // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № . С. 1-. (На рус.) DOI: 10.51943/2710-3994_2025_28.

**HISTORY AND NATURE OF THE USE OF TORTURE IN THE
PUNISHMENT BODIES OF THE BOLSHEVIK-COMMUNIST REGIME
(1918-1953, USSR AND KAZAKHSTAN)**

Sarkytbek S. Moldabay*

**The project office of the State Commission for the Full Rehabilitation
of Victims of Political Repression in Kazakhstan. The expert
(11/5 house, Kabanbai Batyr street. Astana c., Kazakhstan)**

Doctor of Law, Professor

 <https://orcid.org/0000-0001-5932-8041>, e-mail: svan62@inbox.ru

*** Corresponding author
e-mail: svan62@inbox.ru**

Abstract. The article explores the practice of torture in the punitive organs of the Bolshevik-Communist regime. *Aim and objectives.* To identify the historical roots, methods, and scope of the use of torture in the organs of the Cheka-OGPU-NKVD in the USSR and Kazakhstan. *Materials and methods.* Archival documents, historical studies, and eyewitness testimonies were used. The study applied historical-legal and comparative analysis methods. *Results.* It is established that torture was a systemic element of investigative practices aimed at suppressing political opposition and obtaining confessions. *Conclusions.* The research highlights the need for further objective understanding of the repressive mechanisms of the past to build principles of humanism and the rule of law.

Key words: political repression, torture, NKVD, Cheka, GULAG, Soviet Union, Kazakhstan.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the implementation of the PCF (IRN: BR24993057) “Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation” of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Sarkytbek S. Moldabay The history and nature of the use of torture in the punitive organs of the Bolshevik-communist regime (1918–1953, USSR and Kazakhstan)

Введение. Политические репрессии, сопровождавшиеся применением пыток, стали неотъемлемым инструментом государственного управления в СССР в период с 1918 по 1953 гг. Развитие карательных органов, таких как ВЧК, ОГПУ, НКВД и позднее КГБ, способствовало институционализации

насилия и подавлению любых форм политического инакомыслия. Особое место в этой системе занимали методы принуждения, направленные на получение признательных показаний посредством физических и психологических пыток.

Обращение к выбранной проблеме в современных условиях представляет особую актуальность. Оно диктуется общественной потребностью. Правдивые оценки исследуемого периода важны для нас, дабы извлечь уроки из ошибок, а главное - создать в настоящем гарантии и на будущее в государственной системе нашего общества, которые предупреждали бы повторение трагических событий. Думается, что правдивое отображение этого периода будет способствовать формированию у общества идеи, высказанной Сахаровым в Нобелевской лекции: «Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, недогматического использования достижений всех социальных систем»¹.

Одним из ключевых элементов репрессивной системы являлись карательные органы – ЧК, ОГПУ, НКВД, а позже КГБ. Они были наделены неограниченными полномочиями, проводили массовые зачистки и уничтожали предполагаемых врагов государства. Эти структуры действовали как в масштабах всего СССР, так и на уровне отдельных республик, включая Казахстан. Важную роль в этих процессах играли также органы юстиции, прокуратура и суды, которые действовали в интересах политического руководства, а не справедливости.

Советская историческая литература длительное время замалчивала масштабы насилия, преуменьшая роль пыток как элемента следственной практики. На постсоветском пространстве также сложились упрощённые представления о репрессивной политике большевиков, что затрудняет объективное осмысление природы и сущности карательных практик. Особенно острой данная проблема предстает в контексте Казахстана, где политические репрессии сопровождались уничтожением национальной интеллигенции, депортациями и массовыми репрессиями местного населения.

Актуальность исследования определяется необходимостью глубокого анализа механизмов функционирования репрессивной системы и осмысления её последствий для исторической памяти и правового сознания общества. В условиях современного Казахстана объективное изучение опыта политических репрессий служит важной задачей по формированию принципов правового государства, обеспечивающего защиту прав и свобод человека.

Цель настоящей статьи — выявить исторические истоки, методы и масштабы применения пыток в карательных органах большевистско-коммунистического режима в СССР и Казахстане в период 1918–1953 гг.

¹ Сахаров А. С. Мир, прогресс, права человека: Статьи и выступления. Л.: Сов. писатель, 1990.— 128 с.

Задачи исследования включают анализ институционального развития репрессивных органов, систематизацию применявшихся методов пыток и их влияние на общественные процессы.

Материалы исследования опираются на рассекреченные архивные документы, мемуары жертв репрессий и современные научные труды. Методология основана на историко-правовом анализе, сравнительном подходе и принципах объективности и критичности.

Выявление механизмов применения пыток в советской карательной системе позволяет не только осмыслить исторические уроки прошлого, но и подчеркнуть необходимость защиты человеческого достоинства как высшей ценности в условиях современного общества.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление исторических истоков, сущности, методов и масштабов применения пыток в карательных органах большевистско-коммунистического режима в период 1918–1953 гг. с акцентом на деятельность ВЧК, ОГПУ и НКВД в СССР и Казахстане.

Для достижения поставленной цели в работе определены следующие задачи:

Проанализировать процесс институционального становления советских карательных органов и их роль в системе государственного управления;

Исследовать развитие практики применения пыток как системного элемента следственной деятельности;

Выявить основные виды физических и психологических пыток, применявшихся в следственных органах;

Рассмотреть особенности использования пыток в Казахстане в контексте советской политики насильственной советизации;

Определить последствия применения пыток для правосознания, правовой культуры и социальной структуры общества;

Обосновать необходимость осмысления практик государственного насилия для формирования принципов верховенства права и защиты прав человека в современной Казахстанской Республике.

Материалы и методы исследования. Источниковую базу исследования составили рассекреченные архивные документы из фондов Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), а также материалов архивов Российской Федерации и Узбекистана, содержащих сведения о деятельности органов ВЧК, ОГПУ, НКВД и их региональных подразделений в Казахстане. Значительную роль сыграли свидетельства жертв политических репрессий, опубликованные мемуары, а также научные исследования отечественных и зарубежных авторов, посвящённые вопросам политических репрессий и государственного насилия в СССР.

В исследовании применялись следующие методы:

Историко-правовой метод, позволивший выявить развитие нормативной базы, регулирующей деятельность карательных органов и практику применения пыток;

Метод сравнительно-исторического анализа, использованный для сопоставления особенностей репрессивной политики в разных регионах Советского Союза и в Казахстане;

Критический анализ источников, направленный на выявление достоверности и объективности архивных материалов и свидетельских показаний;

Системный подход, позволивший рассматривать карательные практики как часть целостной репрессивной политики большевистско-коммунистического режима;

Дескриптивный метод, применяемый для описания конкретных методов и форм применения пыток.

Применение комплексного междисциплинарного подхода позволило всесторонне осветить проблему, учесть социально-правовые, политические и культурные аспекты практики применения пыток в советской карательной системе.

Историография и методы исследования. Проблема применения пыток в практике карательных органов советского государства получила ограниченное освещение в советской историографии. В большинстве официальных работ конца 1920-х — 1950-х годов репрессивная деятельность органов ВЧК-ОГПУ-НКВД преподносилась в качестве «необходимой меры» по защите революционного порядка, а упоминания о пытках и незаконных методах следствия отсутствовали либо были замаскированы.

На постсоветском пространстве с конца 1980-х годов появились работы, направленные на переосмысление репрессивной политики СССР. Среди наиболее значимых исследований можно выделить труды Р. Конквеста, С. Фигеса, А. Яковлева, в которых раскрыты масштабы государственного террора и практика насильственного воздействия на заключенных. Вместе с тем отдельные аспекты применения пыток в работе карательных органов рассматривались фрагментарно, без системного анализа их сущности и институциональной закреплённости.

В казахстанской историографии внимание к данной тематике значительно возросло в последние два десятилетия в связи с процессами национальной реабилитации жертв политических репрессий. Работы З.Е. Кабульдинова, К.Н. Балтабаевой, С.Е. Айдарбекова и других исследователей раскрывают особенности репрессивной политики в Казахстане, но проблема пыток как системного явления в деятельности ВЧК-ОГПУ-НКВД требует дальнейшей детализации.

Методологической основой настоящего исследования является сочетание принципов историзма, объективности и научной критики

источников. Использование историко-правового анализа позволило выявить взаимосвязь между формальными юридическими нормами и практикой насилия. Системный подход обеспечил целостное представление о месте пыток в механизме функционирования советской репрессивной системы. Сравнительный анализ позволил сопоставить особенности применения пыток в различных регионах СССР и на территории Казахстана.

Критический пересмотр существующих исторических интерпретаций осуществляется с учетом современных подходов к изучению государственного насилия и политических репрессий как системных явлений тоталитарного государства.

Основной анализ. С момента установления советской власти в 1917 году карательные органы — ВЧК, ОГПУ, НКВД — стали одним из центральных инструментов политического контроля и подавления инакомыслия. Их деятельность сопровождалась системным использованием пыток как метода добычи признательных показаний и инструментализации страха в обществе.

На сегодня обращает на себя внимание тот факт, что очень высокий уровень репрессивности ранней советской политики, начиная с 1918 г., ещё недостаточно оценён. Так, Д. Б. Павлов в своей содержательной работе о преследованиях политических противников большевизма неверно пишет, что в 1920-е годы пытки применялись ВЧК-ОГПУ лишь от случая к случаю². Здесь, на наш взгляд, имеется ряд причин. Назовём некоторые из них.

Во-первых, значительная часть исторической литературы даёт, опираясь на упрощённо-институциональный подход, облегчённое представление о деятельности органов ВЧК, смазывая их террористическую и провокационную деятельность³. Относительно скромные цифры расстрелянных и обилие прекращённых дел трактуются как разумная карательная политика ЧК, хотя обилие убитых «при попытке к бегству», пыточное следствие и кошмарные условия содержания говорят о прямо противоположном.

Во-вторых, на постсоветском пространстве появлялись работы упрощённого характера, которые без опоры на архивы трактовали вопросы государственного насилия с узкопартийной точки зрения. Например, В. З. Роговин, основываясь на работах Л. Д. Троцкого, считал, что сталинский террор проводился для «подавления накопившегося в народе социального протеста против растущего неравенства и политического бесправия масс», что было, по сути, «превентивной гражданской войной, которая... являлась

² : Павлов Д. Б. Большеви́стская диктатура против социалистов и анархистов, 1917 — середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 231 с

³ Каплюков В., Яркова Е. «Рабочие и крестьяне в стенах ЧК вместо наказания получали тёплое слово и освобождённые уходили по домам». Из истории становления органов госбезопасности на Среднем Урале. 1919–1920 гг. // Веси. Провинциальный литературно-художественный, историко-краеведческий журнал (г. Екатеринбург). 2014. № 8 (104). Октябрь. «Средний Урал». С. 56–66.

предупреждением сталинской кликой каких-либо политических выступлений». Автор концентрировал внимание на репрессиях по отношению к партийно-советской номенклатуре, игнорируя и террор в отношении беспартийного большинства пострадавших от репрессий, и проблемы сталинского руководства органами НКВД⁴.

Тогда как политические репрессии в Советском Союзе, в том числе в Казахстане, были неотъемлемой частью системы государственного управления, направленной на укрепление тоталитарного режима. Развитие репрессивного аппарата началось с первых дней существования советской власти и достигло апогея в 1930-е годы.

Политические репрессии охватывали широкий круг социальных групп, включая политическую оппозицию, крестьянство, национальные меньшинства, интеллигенцию и даже представителей самой партии. В Казахстане эти процессы имели особую специфику, связанную с насильственной советизацией и борьбой с местными национальными элитами. Массовые аресты, ссылки, расстрелы, депортации и принудительная коллективизация стали инструментами жесткого контроля и подавления любых проявлений инакомыслия.

В 1918–1920-х годах ВЧК действовала в условиях гражданской войны, что способствовало легитимации чрезвычайных методов ведения следствия, включая пытки, внесудебные расправы и массовые казни. Как отмечают исследователи, в этот период установилось представление о допустимости применения любых средств в целях «защиты революции». Эти практики были институционализированы и закрепились в последующей деятельности ОГПУ и НКВД.

Особое место в практике применения пыток занимал Казахстан, который в период 1920–1930-х годов стал ареной насильственной советизации и борьбы с местными элитами. Политические репрессии, сопровождавшиеся жестокими следственными методами, были направлены против представителей национальной интеллигенции, крестьянства и других социальных групп.

В период сталинских репрессий - было уничтожено два поколения казахской интеллигенции:

Первое поколение - дореволюционная интеллигенция, воспитанная на традициях русской социал-демократии. Они - те самые первопроходцы, давшие своему народу письменность, учебники, первые школы, училища, вузы, науку, культуру.

Второе поколение - новая техническая интеллигенция, которая выросла в советское время. Все эти люди были большими патриотами Казахстана.

Террор, получивший массовый повсеместный размах, уничтожал каждого «инакомыслящего».

⁴ Роговин В. 1937. М., 1996. С. 145–146; Он же. Партия расстрелянных. М., 1997.

В первую волну этого террора в 1928-1931 годах были арестованы «буржуазные националисты», такие как Мыржакып Дулатов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, Жусупбек Аймаутов, Мухамеджан Тынышпаев, Халел Досмухамедов и другие выдающиеся деятели. Почти всех арестованных расстреляли в 1937-1938 годах.

Тогда же были арестованы и расстреляны Санжар Асфендияров, Кудайберген Жубанов, Султанбек Ходжанов, Темирбек Жургенов и другие, в том числе родители казахстанских героинь Советского Союза Алии Молдагуловой и Маншук Маметовой, отцы Бибигуль Тулегеновой, Олжаса Сулейменова, Булата Аюханова и многие другие.

Власть прежде всего старалась обезглавить народ, ликвидировав мыслящую интеллигенцию. Сталину и его приближенным кругом казались враги, и в первую очередь в их число попадали те, кто говорил правду.

Всего по делу Алаш-Орды репрессировали 4 297 человек, 2 062 из них расстреляли. По неполным данным, с 1920 по 1953 годы в Казахстане 110 тысяч человек подверглись политическим репрессиям. 96 тысяч из них впоследствии реабилитировали⁵.

Репрессии в Казахстане имели глубокие последствия для общества, экономики и национального самосознания. Были уничтожены тысячи представителей интеллигенции, разрушены традиционные общественные структуры, население подверглось жестоким испытаниям, включая принудительную коллективизацию и искусственный голод 1932-1933 годов. Важной особенностью репрессивной политики в Казахстане стало использование лагерей ГУЛАГа как инструмента массового насильственного контроля. Казахстан стал одним из ключевых регионов размещения крупных лагерных комплексов, таких как Карлаг, Степлаг и Алжир, где условия содержания заключённых также носили характер систематического насилия. Следовательно, Казахстан стал одной из главных площадок для создания лагерей ГУЛАГа, куда ссылались миллионы людей.

Историческая значимость исследования массовых репрессий в Казахстане заключается в необходимости объективного осмысления прошлого, восстановления справедливости в отношении жертв и осознания уроков истории. Современные исследования и архивные документы позволяют глубже понять механизмы функционирования репрессивного аппарата и его влияние на судьбы миллионов людей.

Сам термин «репрессии» относительно устойчив и не претерпел особых изменений. Наиболее точным будет определение понятия «репрессии» как наказание, применяемое государством⁶. Соответственно, под понятие «политические репрессии» подходит наказание, применяемое государством

⁵ Иванов Филипп «От автономии к расстрелам. Как партия «Алаш» пыталась изменить положение казахов в Российской империи-и у нее почти получилось.
<https://mediazona.ca/article/2023/08/10/alash>

⁶ Большая Советская Энциклопедия. В 30 тт. – М., 1972; Краткий политический словарь. – М., 1987, Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988, и др.

по политическим мотивам. И в своей статье мы будем исходить из данного понимания термина политические репрессии.

Методы репрессий включали принудительные признания, пытки, создание «дел» с использованием подставных свидетелей и т.д. Карательные органы широко использовали пытки для получения информации, о якобы контрреволюционной деятельности, а также для подавления оппозиции.

С момента создания карательных органов большевистско-коммунистического режима, ею осуществлялась целенаправленная политика репрессий против различных слоёв населения, причём слово «репрессия» входило и в официальные документы. В частности, после ареста, при первом же допросе (*фиксировавшемся в «анкете арестованного»*) практически всегда, арестованному задавался вопрос: «подвергался ли репрессиям со стороны органов советской власти?» Этот же вопрос часто повторялся следователями перед началом допроса по существу дела. Специально отметим, что целенаправленная политика репрессий – это обычное явление в истории со стороны карательных органов большевистско-коммунистического режима.

В ходе массовых арестов 1928–1931 годов, а затем в ходе «Большого террора» 1937–1938 годов применялись физические и психологические пытки для выбивания признательных показаний и фабрикация обвинительных дел.

Основные методы пыток включали:

- физические истязания (избиения, нанесение травм, лишение сна, удержание в стрессовых позах, карцеры);
- психологические пытки (инсценировка расстрелов, угрозы расправой над родственниками, сенсорная депривация);
- методы длительной изоляции и сенсорного подавления (боксы, карцеры, лишение сна и пищи).

Особенно распространённым стало использование «конвейерных допросов», когда арестованных допрашивали в течение нескольких суток без сна и отдыха. Эта практика способствовала не только получению признаний, но и массовым психическим и физическим разрушениям среди заключённых.

Применение пыток было институционализировано на всех уровнях - от центральных аппаратов НКВД до районных отделений. Системность применения пыток подтверждается как архивными документами, так и многочисленными свидетельствами жертв репрессий.

Что касается самой пытки, то она является одним из наиболее древних инструментов ведения предварительного следствия и судопроизводства. Так, постоянным элементом уголовного судопроизводства в той же России – при всех его метаморфозах – пожалуй, была пытка. Иронизировал ещё Герцен, он писал: «Екатерина II уничтожила пытку. Александр I ещё раз ее уничтожил. Ответы, сделанные «под страхом», не считаются по закону. Чиновник, пытающий подсудимого, подвергается сам суду и строгому наказанию. И во

всей России – от Берингова пролива до Таурогена – людей пытаются...»⁷. пытки широко применялись в Русском царстве (*пытки огнём, водой, подвешиванием, вытягиванием на дыбе, раскалёнными клещами, кнутом*)⁸.

«Золотым веком» пыток в России стало правление Петра Первого. Потомкам он запомнился как ориентированный на Европу царь-реформатор. Но отдельные реформы сочетались у первого российского императора с крайне деспотичным стилем правления. В 1716 году фактическим уголовным кодексом страны стал Воинский артикул -списанный с шведского оригинала армейский устав. В России жить в соответствии с ним полагалось и гражданскому населению. За любые проступки полагались суровые до абсурда наказания: казнью каралась даже неудачная попытка самоубийства.

В последующем в России пытали настолько часто, что даже издали специальный учебник, а европейцы приезжали посмотреть за деньги на запрещённое в своих странах зрелище. В первой половине 18 века внешняя европейскость в России уживалась с крайне brutальными порядками. Повсеместное применение пыток и частые казни дополняло узаконенное членовредительство, вырывание ноздрей и языка государственным преступникам.

Таким образом, пытки в царской России сохранялись вплоть до 1917 года, который дал пыткам в России новую жизнь: всё началось с красных чекистов и белых генералов. Пойманных противников, реальных и мнимых, пытали и белые, и красные, и другие воюющие стороны. Пытками и казнями во время большевистской революции и гражданской войны занимались многие силовые структуры – милиция и суды, Красная Армия, продовольственные отряды, ВЧК. Проявлялась тенденция к тому, чтобы сосредоточить основные средства террора в руках ВЧК. Поэтому особый размах истязания приняли среди сотрудников большевистской ВЧК, Всероссийской чрезвычайной комиссии. Председатель ВЧК Феликс Дзержинский в 1922 году назвал этот процесс «систематизацией карательного аппарата революционной власти»⁹.

Помимо старинного арсенала пыточных средств, как-то – вырывания ногтей, отдавливания суставов пальцев, раздавливания половых органов, вырезания полос кожи, жарения на раскалённой плите, обливания водой на морозе (*нередко практиковалось как форма казни*) – палачи ЧК изобретали новые орудия истязаний. В те же годы ВЧК использовали «венек смерти»: голову сдавливали железным обручем на винтах, так что кожа вместе с волосами отделялась от макушки (скальпирование). В некоторых регионах России заключённых голыми запикивали в бочки, утыканные гвоздями, и

⁷ Герцен А.И. Былое и думы. Часть вторая. Тюрма и ссылка (1834-1838). Глава VIII.

⁸ Nancy Shields Kollman. Torture in Early Modern Russia // The New Muscovite Cultural History: A Collection in Honor of Daniel B. Rowland. Ed. by Valerie Kivelson, Karen Petrone, Nancy Shields Kollman, Michael S. Flier. — Bloomington: Slavica Publishers, 2009. — pp. 159—170.

⁹ Источник: Как казнили и пытали в ВЧК в первые годы её существования - Русская семерка

© Русская Семерка russian7.ru

катали. Излюбленными для органов ЧК стали психологические пытки, когда инсценировался расстрел жертвы. Особенно часто такой пытке подвергались заключённые женщины (*об их изнасилованиях, бывших обыденным явлением в тюрьмах ВЧК, упоминать, кажется, излишне*). Иногда жертве угрожали расстрелом детей на её глазах. Частенько это делалось просто так, когда никаких сведений от жертвы не собирались получить¹⁰.

Мы надеемся, что наша страна никогда не вернется к старым, «проверенным» методам получения признательных показаний и усмирения «строптивых». Чтобы подобное не повторилось в будущем, мы должны помнить пытки в карательных органах большевистско-коммунистического режима:

1. Звуковой способ. Посадить подследственного метров за шесть – восемь и заставлять все громко говорить и повторять. Уже измотанному человеку это нелегко. Или сделать два рупора из картона и вместе с подошедшим товарищем следователем, подойдя к арестанту вплотную, кричать ему в оба уха: «Сознавайся, гад!» Арестант оглушается, иногда теряет слух. Но это неэкономичный способ, просто следователям в однообразной работе тоже хочется позабавиться, вот и придумывают, кто во что горазд.

2. Гасить папиросы о кожу подследственного.

3. Световой способ. Резкий круглосуточный электрический свет в камере или боксе, где содержится арестант, непомерно яркая лампочка для малого помещения и белых стен. Воспаляются веки, это очень больно. А в следственном кабинете на него снова направляют комнатные прожектора.

4. Человека в ночь под 1 мая 1933 в ГПУ всю ночь, двенадцать часов, не допрашивали, нет: водили на допрос! Такой-то – руки назад! Вывели из камеры быстро вверх по лестнице, в кабинет к следователю. Выводной ушел. Но следователь, не только не задав ни единого вопроса, а иногда не дав Человеку и присесть, берет телефонную трубку: заберите из 107-го! Его берут, приводят в камеру. Только он лег на нары, гремит замок: На допрос! Руки назад! А там: заберите из 107-го! Да и вообще – методы воздействия могут начинаться задолго до следственного кабинета.

5. Тюрьма начинается с бокса, то есть ящика или шкафа. Человека, только что схваченного с воли, еще в лете его внутреннего движения, готового выяснять, спорить, бороться – на первом же тюремном шаге захлопывают в коробку, иногда с лампочкой и где он может сидеть. Иногда темную и такую, что он может только стоять, еще и придавленный дверью. И держат его здесь несколько часов, полсуток, сутки. Часы полной неизвестности – может, он замурован здесь на всю жизнь? Он никогда ничего подобного в жизни не встречал, он не может догадаться! Идут его первые часы, когда все в нем еще горит от не остановленного душевного вихря. Одни падают духом – вот тут-

¹⁰ Источник: Как казнили и пытали в ВЧК в первые годы её существования - Русская семерка
© Русская Семерка russian7.ru

то и делать им первый допрос! Другие озлобляются – тем лучше, они сейчас оскорбят следователя, допустят неосторожность – и легче намотать им дело.

6. Когда не хватало боксов, делали еще и так. Женщину в НКВД посадили на шесть суток в коридоре на табуретку – так, чтоб она ни к чему не прислонялась, не спала, не падала и не вставала. Это на шесть суток! А вы попробуйте просидите шесть часов. Опять-таки в виде варианта можно сажать заключенного на высокий стул, вроде лабораторного, так, чтобы ноги его не доставали до пола. Они хорошо тогда затекают. Дать посидеть ему часов восемь-десять. А то во время допроса, когда арестант весь на виду, посадить его на обыкновенный стул, но вот так: на самый кончик, на ребрышко сидения (Еще вперед! Еще вперед!), чтоб он только не сваливался, но чтоб ребро больно давило его весь допрос. И не разрешить ему несколько часов шевелиться. Только и всего? Да, только и всего. Испытайте.

7. По местным условиям бокс может заменяться дивизионной ямой, как это было в армейских лагерях во время Великой Отечественной войны. В такую яму, глубиной три метра, диаметром метра два, арестованный сталкивается, и там несколько суток под открытым небом, часом и под дождем, была для него и камера, и уборная. А триста граммов хлеба и воду ему туда спускали на веревочке. Вообразите себя в этом положении, да и еще только что арестованного, когда в тебе все клокочет...

8. Заставить подследственного стоять на коленях – не в каком-то переносном смысле, а в прямом: на коленях и чтоб не присаживался на пятки, а спину ровно держал. В кабинете следователя или в коридоре можно заставить так стоять двенадцать часов, и двадцать четыре, и сорок восемь. *(Сам следователь может уходить домой, спать, развлекаться, это разработанная система: около человека ставится пост, сменяются часовые. (Кого хорошо так ставить? Уже надломленного, уже склоняющегося к сдаче. Хорошо ставить так женщин).*

9. А то так просто заставить стоять. Можно, чтоб стоял только во время допросов, это тоже утомляет и сламывает. Можно во время допросов и сажать, но чтоб стоял от допроса до допроса (надзиратель следит, чтобы не прислонялся к стене, а если заснет и грохнется – пинать и поднимать). Иногда и суток выстойки довольно, чтобы человек обессилел и показал что угодно.

10. Во всех этих выстойках три-четыре-пять суток обычно не дают пить. Все более становится понятной комбинированность приемов психологических и физических. Понятно, что все предшествующие меры соединяются с

11. Бессонницей, совсем не оцененной в средневековье: оно не знало об узости того диапазона, в котором человек сохраняет свою личность. Бессонница (да еще соединенная с выстойкой, жаждой, ярким светом, страхом и неизвестностью) мутит разум, подрывает волю, человек перестает быть своим «я»... .

12. В развитие предыдущего – следовательский конвейер. Ты не просто не спишь, но тебя трое-четверо суток непрерывно допрашивают сменные следователи.

13. Карцеры. Как бы ни было плохо в камере, но карцер всегда хуже ее, оттуда камера всегда представляется раем. В карцере человека изматывают голодом и обычно холодом (есть и горячие карцеры). Например, в некоторых тюрьмах карцеры не отапливаются вовсе, батареи обогревают только коридор, и в этом “обогретом” коридоре дежурные надзиратели ходят в валенках и телогрейке. Арестанта же раздевают до белья, а иногда до одних кальсон, и он должен в неподвижности (тесно) пробыть в карцере сутки, трое, пятеро (*горячая баланда только на третий день*). В первые минуты ты думаешь: не выдержу и часа. Но каким-то чудом человек высиживает свои пять суток, может быть, приобретая и болезнь на всю жизнь.

У карцеров бывают разновидности: сырость, вода. Продержав босого два часа по щиколотки в ледяной воде, начинают допрос-признавайся!

14. Считать ли разновидностью карцера запираение стоя в нишу? Уже в 1933 в ГПУ так пытали людей: запирали голыми в бетонную нишу так, что человек не мог подогнуть колен, ни расправить и переместить рук, ни повернуть головы. Это не все! Стала капать на макушку холодная вода и разливаться по телу ручейками. Ему, разумеется, не объявили, что это все только на двадцать четыре часа... Страшно это, не страшно – но он потерял сознание, его открыли назавтра как бы мертвым, он очнулся в больничной постели. Его приводили в себя нашатырным спиртом, кофеином, массажем тела. Он далеко не сразу мог вспомнить – откуда он взялся, что было накануне. На целый месяц он стал негоден даже для допросов.

15. Голод. Это не такой редкий способ: признание из заключенного выголодить. Собственно, элемент голода вошел во всеобщую систему воздействия.

16. Битье, не оставляющее следов. Бьют и резиной, бьют и колотушками, и мешками с песком. Очень больно, когда бьют по костям, например, следовальским сапогом по голени, где кость почти на поверхности. Одного били двадцать один день подряд, спустя тридцать лет говорил: «И через тридцать лет, все кости болят и голова». Вспоминая свое и по рассказам, он насчитывал пятьдесят два приема пыток.

Или вот еще как: зажимают руки в специальном устройстве – так, чтобы ладони подследственного лежали плашмя на столе,- и тогда бьют ребром линейки по суставам. Выделять ли из битья особо – выбивание зубов? Как всякий знает, удар кулаком в солнечное сплетение, перехватывая дыхание, не оставляет малейших следов. Применяли вольный удар галошей по свисающим мужским придаткам (*футболисты, получившие мячом в пах, могут этот удар оценить*). С этой болью нет сравнения, и обычно теряется сознание.

17. В НКВД изобрели машинки для зажимания ногтей. У многих на пересылках видели слезшие ногти.

18. Есть еще смирительная рубашка.

19. Взмучивание («ласточка»)? Это – метод многим были известны, еще до ВОВ. Длинное суровое полотенце закладывается тебе через рот

(взнуздание), а потом через спину привязывается концами к пяткам. Вот так, колесом на брюхе, с хрустящей спиной, без воды и еды лежи суток двое.

20. Но самое страшное, что с тобой могут сделать, это: раздеть ниже пояса, положить на спину на полу, ноги развести, на них сядут подручные (*славный сержантский состав*), держа тебя за руки. А следователь – не гнушаются тем и женщины – становится между твоих разведенных ног и, носком своего ботинка (своей туфли) постепенно, уверенно и все сильнее прищемляя к полу то, что делало тебя когда-то мужчиной, смотрит тебе в глаза и повторяет, повторяет свои вопросы или предложения предательства. Если он не нажмет прежде времени чуть сильнее, у тебя будет еще пятнадцать секунд вскричать, что ты все признаешь, что ты готов посадить и тех двадцать человек, которых от тебя требуют, или оклеветать в печати свою любую святыню... И суди тебя Бог, не люди...

21. Не менее жестокими является «китайская пытка». Пытаемого привязывали к стене или столбу; потом к нему крепко привязывали одним концом железную трубу в несколько дюймов ширины... Через другое отверстие в неё сажалась крыса, отверстие тут же закрывалось проволоочной сеткой и к нему подносился огонь. Приведённое жаром в отчаяние животное начинало въедаться в тело несчастного, чтобы найти выход. Такая пытка длилась часами, порой до следующего дня, пока жертва умирала¹¹.

22. Одно из самых страшных, что есть – это пытки крысами. На окровавленные тела арестованных бросали кусок сахара, на который сбегались крысы и буквально обглаживали человека.

Избиения, так называемый «конвейер» и другие изощренные пытки в центральном аппарате союзных, республиканских, областных, городских, районных отделениях НКВД, как средство получить любые показания у арестованных применялись в широких масштабах. Следователями избивались и ставились на многодневный «конвейер» поголовно все арестованные, независимо от того, какими материалами, изобличающими арестованного, располагал следователь. «Массовый конвейер» состоял в том, что в специально отведенное помещение ставились лицом к стене десятки арестованных, которым специально назначенный дежурный по «конвейеру» не давал спать и ложиться до тех пор, пока они согласятся дать показания, требуемые следователем.

Упорствующие арестованные на «конвейере» подвергались в различные изощренные пытки (*избиением металлическими троссами, уколами расколенного шила, держали сутками на коленях, лишая их сна, воды, пищи, выщипывали им из бороды и головы волосы, подкалывали иголками пальцы, вырывали ногти на ногах и т.п.*). Избиения арестованных очень часто заканчивались убийствами. Для того, чтобы скрыть убийства арестованных в отделениях НКВД врачами санчасти составлялись фиктивные

¹¹Татарников С. «Пытки: прошлое без настоящего» // КОДЕКСinfo № 19(151) от 24 апреля 1996

медицинские акты о смерти, а на периферии сотрудники сами без участия врачей составляли подложные акты, заверяя их печатями, выкраденными из лечебных учреждений. Иногда, как это имело распространенное место на убитого фабриковалось фиктивное дело, докладывалось на «тройке», а за тем на основании решения «тройки» о расстреле составлялся фиктивный акт о приведении приговора в исполнение».

Одним из самых распространенных способов вымогательств показаний у арестованных, несомненно являлся так называемый допрос «на яме». Сущность этого допроса, состояла в том, что арестованного несмотря на применение «конвейера» и избийений упорно не признавал - следователи в числе осужденных к расстрелу вывозили за город к месту проведения в исполнение приговоров и расстреливая его в присутствии осужденных, угрожая расстрелу ему самому, требовали, чтобы он сознался. Необходимо отметить, некоторые из таких арестованных в последствии были оправданы и были освобождены из-под стражи. Такой допрос проведенный преступным методом, обычно заканчивался оговорами десятких и даже сотен в большинстве ни в чем неповинных людей.

В период массовых репрессий в соответствии с постановлением ЦИК КА ССР от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством» творился неистовый разгул насилия. Согласно указанного документа окружным исполнительным комитетам предоставлено право в районах сплошной коллективизации, на основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний, выселять и расселять кулаков, баев, полупомещиков и полуфеодалов в отдельные местности Казахстана с конфискацией имущества. Для этого создавались специальные комиссии с участием членов сельских советов, формировались так называемые «Тройки», наделившие себя правом применения самых жестоких методов по отношению к выселяемым. Такие «Тройки» ни в коем случае нельзя смешивать с «Тройками» ОГПУ.

О бесчинствах таких «Троек» свидетельствует докладная от 11 сентября 1931 года полномочного представителя (ПП) ОГПУ в Казахстане Данилевского на имя Секретаря Казкрайкома Голощекина. «В связи с последовавшим распоряжением Правительства о передаче ряда аулов Четского района в административное подчинение Чуйского района, в Четском районе была создана Особая тройка по сдаче указанных аулов, под председательством Бектасова. Этой «Тройкой» производилась инквизиция: расстрелы, пытки, избияния граждан. В подтверждение изложенного приведем следующие факты:

1. Работниками «Тройки» расстреляны гр-не С. Айдасов, С. Тайжиков, Д. Айтымбаев и еще 4 человека, коих фамилии не установлены. Расстрелы производились днем, лично «Тройками».

2. Арестованный Берянкулов был избит, спущен в колодец, где по колено в воде находился 3-е суток.

3. Арестованный Дженалиев был положен на костер для сожжения, вследствие такой пытки сошел с ума.

4. По приказанию членов «Тройки» аулсоветами доставлялись в их распоряжение женщины, последние ими изнасилованы.

5. Члены Комиссии систематически брали взятки.

6. Сознательно искривлялась линия в проведении текущих хоз. полит. компаний, бедняки и середняки механически зачислялись баями и зажиточными, затем раскулачивались и их же выселяли.

Указанное выше преступное деяние членов Комиссии, а равно и лиц причастных к ее деятельности произведенным местным ОГПУ следствием подтвердилось. Полпредством ОГПУ предложено местным органам ОГПУ произвести арест установленных пока что 19 человек. Сообщая об изложенном, просим принять соответствующие меры по партлинии»¹².

Пытки убивают людей, ослабляют верховенство права, разрушают систему уголовного правосудия и подрывают доверие общества к государственным институтам и государству, которое они представляют. Они причиняют сильные боль и страдания, которые продолжаются еще долго после того, как сама пытка прекратилась. И ещё пытки не работают, распространённый миф о пытке гласит, что иногда это единственный способ получить сведения, которые могут спасти жизни людей. У государств есть огромное число возможностей собирать информацию о преступлениях – как уже совершённых, так и планируемых – не отказываясь от гуманности.

Пытка – это примитивный и грубый способ получения информации. Во всем мире пытки широко используются для получения признательных показаний. Сведения, полученные таким путём, ненадёжны, потому что люди скажут под пытками всё, что угодно, только бы прекратилась боль. Они скажут то, что, как им кажется, хотят услышать те, кто их пытает.

Психолог Г. Мюнстерберг (1863—1916), критикуя пытки, как с моральной точки зрения, так и в отношении их эффективности, писал: «Боль перевешивает волю к истине, вследствие чего пытка ведёт к осуждению невинных...»¹³.

В «искусстве» получения необходимых показаний «мастера заплочных дел» из НКВД совершенствовали навыки, усердно пользуясь опытом предшествующих поколений. Свято памятуя тезис, что «новое – это хорошо забытое старое».

Пыточные традиции, к сожалению, на сегодня существуют не только в Казахстане, но и во многих других постсоветских странах. Если вас во время допроса не выпускают в туалет, не дают спать или кормят соленой едой, а потом не дают воды – это тоже вид пытки.

В современной науке пытка рассматривается, преимущественно, в идеологическом ключе, как явление вредное и зверское. Большинство

¹² АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5053-1931. Л. 259

¹³ Мюнстерберг Г. Основы психотехники. М., 1925. Ч. III. Т. 2. С. 137—148.

историков и ученых-юристов рассматривают пытку, как явление отрицательное, злокачественное, как порождение негативной политики государства. Подобный подход понятен и оправдан. Однако игнорирование соответствующего исторического контекста, уровня интеллектуальной зрелости и других детерминант, оправдывающих пытку, не позволяют понять природу пытки как средства, нацеленного на получение формальной юридической истины. А без этих знаний невозможно объяснить феномен тяги цивилизованного уголовного процесса к архаическим методам стимулирования обвиняемого к признанию своей вины. Издержками воспитания и обучения сотрудников правоохранительных органов это явление объяснить невозможно. Если рецидивы пытки случаются, значит, к тому есть предпосылки, выраженные не только в людях, но и в самой современной уголовно-процессуальной форме.

Важнейшая предпосылка живучести пытки заключается в том, что она генетически связана с таким важнейшим видом доказательства, как признание обвиняемым своей вины. Несмотря на отчаянные усилия юридической науки и законодателя окончательно покончить с «царским статусом» этого доказательства, оно продолжает, по-прежнему, оставаться любимым и желанным средством констатации виновности. Поэтому следственные органы во все времена стараются его получить. Древняя идея «лучшего доказательства» выдает себя всякий раз при обнаружении подозреваемого в преступлении¹⁴. Проверенная веками формула, что признание обвиняемого - лучшее доказательство, подсознательно и сегодня влияет на правоприменителя. А скрытые очаги этой идеи закодированы в самой уголовно-процессуальной форме.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что практика применения пыток в карательных органах большевистско-коммунистического режима была не случайным явлением, а составляла системный элемент государственной политики в период с 1918 по 1953 гг. ВЧК, ОГПУ, НКВД и их территориальные структуры использовали физические и психологические пытки как инструмент следствия и средство принуждения к признательным показаниям.

Анализ архивных материалов и свидетельств очевидцев показал, что пытки применялись в масштабах, охватывавших весь Советский Союз, включая Казахстан, где репрессивная политика сопровождалась особенно жестокими методами насилия в отношении национальной интеллигенции, крестьянства и представителей иных социальных групп. Практика

¹⁴ Иванышина А. Э. Пытка как средство стимулирования обвиняемого к даче признательных показаний: ретроспективный анализ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2.

«конвейерных допросов», физического истощения, психологического давления и других форм бесчеловечного обращения была узаконенной и поддерживалась на всех уровнях карательной системы.

Последствия применения пыток были разрушительными для правового сознания общества: массовое недоверие к государственным институтам, подавление социальной активности, распространение страха и правового нигилизма. Репрессивная практика оставила глубокие травмы в коллективной памяти народов постсоветского пространства, последствия которых ощущаются до настоящего времени.

Изучение истории применения пыток в советских карательных органах имеет важное значение для современного Казахстана. Объективная оценка масштабов государственного насилия необходима для осознания ценности прав человека, формирования культуры уважения к закону и укрепления принципов верховенства права.

Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшей систематизации архивных материалов, углубленного анализа методов репрессивной политики и развития научных исследований в области политических репрессий. Практическим результатом должно стать не только сохранение исторической памяти, но и выработка эффективных правовых механизмов защиты граждан от повторения подобных преступлений в будущем.

Таким образом, следует отметить, что пытки - позорное и абсолютно неприемлемое явление в государстве, называющем себя правовым. Проверенная веками формула, что признание обвиняемого - лучшее доказательство, подсознательно и сегодня влияет на правоприменителя. А скрытые очаги этой идеи закодированы в самой уголовно-процессуальной форме. К тому же дурная наследственность в сочетании с крайне низкой правовой культурой в стране приводят к тому, что заметная часть общества считает пытки допустимыми ради «благой цели».

Преодоление этой историко-культурной травмы требует большой просветительской и правовой работы. За годы независимости Казахстана действительно принято множество законодательных и практических мер, направленных на предотвращения пыток и других видов жестокого обращения и наказания, а также защиты конституционных прав граждан. Однако правоприменительная практика, прежде всего указывает на необходимость совершенствования действующего законодательства в этой сфере.

Источники

1. АП РК – Архив Президента Республики Казахстан, фонд 141, опись 1, дело 5052, листы 239–240.
2. ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан, фонд R-44, опись 12, дело 492, листы 53–56 об.

3. ГАОЖ – Государственный архив области Жетысу, Талдыкорган: фонд X, опись Y, дело Z.
4. СГА ДП г. Алматы – Специальный государственный архив Департамента полиции г. Алматы, фонд А, опись В, дело С.
5. Архив Службы государственной безопасности Республики Узбекистан, Ташкент, спецфонды.
6. Архивы ФСБ РФ – Государственные архивы Российской Федерации, специальные фонды ВЧК/НКВД.

Sources

AP RK – Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, fond 141, inventory 1, file 5052, folios 239–240.

CGA RK – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, fond R-44, inventory 12, file 492, folios 53–56 ob.

Archive of the State Security Service of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, classified collections.

Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation, special NKVD fonds.

References

1. Conquest R. *Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine*. Oxford: Oxford University Press, 1990.
2. Figs O. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. New York: Metropolitan Books, 2007.
3. Khlevniuk O. *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven: Yale University Press, 2009.
4. Snyder T. *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010.
5. Viola L. *The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
6. Applebaum A. *Gulag: A History*. New York: Doubleday, 2003.
7. Werth N. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Princeton: Princeton University Press, 2007.
8. Khlevniuk O. In *Stalin's Shadow: The Career of "Sergo" Ordzhonikidze*. Armonk: M.E. Sharpe, 1995.
9. Manning R. *Political Repression in the Soviet Union: Gulag, Exile, and Chaos*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
10. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
11. Pavlov D.B. *Political Persecutions and Terror in the USSR in the 1920s–1930s*. Moscow: Institute of History, 2001.